

И. Крупеникова
ВСТРЕЧА НА МОСТУ

Огромные часы на стене пропели обычную вечернюю мелодию и в полной тишине принялись отсчитывать десять. К последнему колокольному переливу присоединился мягкий голос компьютера, прозвучавший из кабинета: “динь-дон-дон, поступило сообщение”. Мы с мужем переглянулись.

— А это от кого? — спросил он и лукаво посмотрел на меня.

— Наверное... — я помедлила; сегодня письма и открытки лились нескончаемым потоком: наши друзья поздравляли нас с первой годовщиной свадьбы. — От моих родителей.

— Проверим?

Я соскочила с кресла.

— Проверим!

Юркнуть в кабинет первой мне не удалось — опять подвел длиннющий шлейф накидки, брошенной поверх моего домашнего трико. Зато я не преминула еще разок погладить белоснежные лепестки лилии, плавающей в специально приобретенном по такому случаю аквариуме. Лилию муж подарил мне сегодня утром, со словами: о, Ярославна, королева моих сердец, позволь вручить тебе Цветок Рассвета, дабы он стал символом наших слившихся в объятиях душ навечно.

Несколько необычная поэзия, но я успела привыкнуть к форме его лирических упражнений. Кстати, меня действительно зовут Ярославна. Не знаю, о чем думали мои родители тридцать лет назад, но имя это закреплено за мной с тех самых пор.

Я угадала: письмо пришло из отчего дома. Я прочла вслух. Мои родители поздравляли нас с годовщиной и желали всяческих благ. А в конце текста стояла приписка от брата: “Будь счастлива, Слава, в твоей запредельной Австралии”.

Улыбка осталась на моем лице, но глаза наполнились грустью. Все-таки я почувствовала себя немного виноватой перед братом.

— А парень-то догадался, — осторожно заметил мне муж.

Я неопределенно пожала плечами, спрятав за этим движением тяжелый вздох.

— Яра, а ведь ты давно хотела мне рассказать, как все началось, — напомнил он.

— Пожалуй, самое время, — согласилась я, усаживаясь в кресло перед компьютером; это было мое любимое место. — А началось все в солнечный октябрьский день...

Пролетело лето. Зелень деревьев медленно-медленно перетекала в золотые тона, облака ниже и ниже плавали над землей, и чаще и чаще по утрам в окно стучались настырные осенние дожди. Для нашей семьи прошедшие месяцы стали особо важным периодом в жизни. Володя поступил в институт. Теперь к странному букету профессий — преподаватель-филолог, экономист-бухгалтер и инженер-программист присоединился будущий врач, и может быть даже — хирург, ибо Вовка бредил хирургией едва ли не с детства.

Он окунулся в учебу самозабвенно, так, будто на книжных полках больше не стояли наши любимые Толстой, Кэрролл и Желязны, как будто разом исчезли все видеокассеты и отключился телефон. Его письменный стол был завален теперь анатомическими атласами и медицинскими учебниками, а разговоры за ужином неизменно заканчивались бурными мамиными протестами приблизительно такого содержания: “Володя, оставь медицинские темы за порогом кухни!”

И вот в один прекрасный день за ужином воцарилось неожиданное спокойствие. Вовка сидел задумавшись, бесцельно созерцая прозрачное небо за окном, и рассеянно гонял вилкой по тарелке одинокую горошину. Чай сопровождался тем же романтическим молчанием до тех пор, пока папа не высказался:

— Сдается мне, молодой человек, сердце ваше начало пошаливать.

Володя дернулся и непонимающе уставился на отца, а папа всячески прятал в своих пышных усах хитрющую улыбку. Мама была более прозаична.

— С девочкой, что ли, познакомился? — спросила она.

Вовка вспыхнул до корней волос.

— Да чего вы все! Вам какое дело?

Он одним глотком допил чай, в два шага пересек кухню и скрылся в нашей комнате. Я удивилась про себя: Володя никогда не разговаривал с родителями в таком тоне. К счастью, они не обиделись.

Нашим семейным девизом давно стала поговорка — в тесноте, да не в обиде. Так уж сложилось: отдельная двухкомнатная “Хрущевка” обмену не подлежала, а очередь на расширение, в которой с незапамятных времен стоял отец, канула в лету с приходом к власти Ее Беспардонности Коммерции. Поэтому комната у нас с братом всегда была одна на двоих, но чувствовали мы себя в ней вполне

комфортно. Мы дружили с детства, несмотря на то, что я старше его почти на десять лет. Дружили крепко. Помню, однажды — Вовке как раз исполнилось девять — в его присутствии состоялся разговор о моем будущем. Песня для таких случаев обычная: вот выйдешь замуж... Мой братишка слушал, слушал, и вдруг расплакался: не хочу, мол, чтобы она куда-то уходила, я с ней уйду. Его еле-еле успокоили...

Володя сидел за столом, и вроде бы читал. Я заглянула ему через плечо: анатомический атлас лежал “вверх ногами”, а Вовкин взгляд бесцельно гулял по стене, по карандашнице, по стопкам книг и тетрадей.

— Володь, — я присела рядом на табурет; он поспешно захлопнул учебник, так и не заметив, что держал его в перевернутом виде. — Как ее зовут?

Он улыбнулся. Первый раз за весь вечер. Отвел взгляд.

— Таня.

Я вдруг как воочию увидела перед собой девушку.

— Она невысокая, черноглазая, с длинными светло-русыми волосами? — выдала я на одном духу.

Вовка ошарашено уставился на меня.

— Ты откуда знаешь?

— Получается, знаю, — бодро ответила я, хотя сама себе удивилась.

— У, ведьмочка! — он говорил без зла.

Вообще, сей нелицеприятный эпитет в его понимании предназначался мне вроде комплимента. Я не претендовала, конечно, на нечто экстрасенсорное, однако время от времени кое-какие странные мои способности выплывали наружу и, неуправляемые, шокировали окружающих.

— Я права?

— Наверное. Она описала себя приблизительно так, — и заметив мое недоумение, добавил. — Мы разговаривали по компьютеру.

— Это ты до чатов добрался? — я была раздосадована; в медицинском институте недавно открыли Интернет-класс, но я надеялась, что мой брат догадается использовать компьютеры по их прямому назначению, а не в качестве сомнительного развлечения.

— Чего ты на меня смотришь, будто я на помойку полез! — ошетинился Вовка. — Чат — такое же средство коммуникации, как телефон, как твоя электронная почта. Разве нет?

— Ладно. Об этом потом. Лучше расскажи-ка, как вы познакомились.

— Я вышел на ее канал, она ответила. Мы поговорили. Она в университете учится, на юридическом, — он замылся на секунду. — Таня не любит чаты. Говорит, если хочешь познакомиться с человеком, надо видеть его глаза. Я с ней согласен! Мы решили встретиться завтра в шесть вечера на мосту.

— Твоя идея?

— Частично. Место выбрала Таня. Она обожает реки.

— Дерзай, — я похлопала брата по плечу.

На первое свое свидание Володя готовился со всей тщательностью, на которую был способен. От посторонней помощи он отказался, и я издала наблюдала за ревностным выбором подходящего галстука и усердной чисткой ботинок. Собирался дождь. Я посоветовала брату взять с собой большой отцовский зонт. Кроме того, мама заставила его надеть плащ вместо куртки.

— Но я сказал Тане, что буду в черной мотоциклетной куртке! — из последних сил отбивался Вовка. Маму переспорить не представлялось возможным.

Как обычно я проводила вечер за компьютером и совершенно потеряла счет часам. Поэтому, когда вернулся брат, мне показалось, что давным-давно наступила ночь. Он вошел тихо, будто боялся привлечь мое внимание. Затем я услышала недружелюбный скрип шкафа и смачный шлепок брошенного на стол портмоне. Результаты свидания явно оставляли желать лучшего — решила я и выглянула из-за занавески моего “кабинета”.

— Володь, это ты?

— Угу.

Я включила верхний свет. Вовка выглядел мрачнее черной тучи. Заметив мой испытующий взгляд, он выдал из себя улыбку и развел руками.

— А она не пришла.

Он старался казаться безразличным, а у меня засвербило: что-то здесь не так.

— Ты долго ждал?

— Два часа... Там дождь хлещет. Может быть она решила не ходить под дождем?

Как он на это надеялся!

— Разумеется, она решила не ходить под дождем! — подхватила я, чтобы как-то его подбодрить.

Он неопределенно передернул плечами и принялся переодеваться в домашнее.

— Слав, а ты бы пошла? — неожиданно спросил он. — Только честно.

— Ну, к знакомому человеку пошла бы, если пообещала. А в первый раз... не знаю.

— Ты бы пошла, — почему-то решил он. — Ты обязательная.

— Володь, ты не спеши с выводами. Вы как договорились встретиться? В шесть на мосту? А насчет одежды?

— Она сказала, что будет в голубой длинной кофте. Или как это называется у вас? Жакет? Полупальто?

— Ясно. А погоду ты учел? Может быть она пришла в плаще с капюшоном и вдобавок под зонтиком. Да ты сам оделся иначе, чем ей расписал! И на каком берегу, позволю спросить, вы должны были встретиться?

Он хлопал глазами. Насчет берега я попала в точку. Видимо, этот момент не оговаривался вообще.

— Вот что, братик. Оставь все до завтра. Выловишь свою Таню во “всемирной паутине”, еще раз договоритесь как следует. Скорее всего, вы ждали друг друга в разных местах.

На следующий день, вернувшись с работы, я узнала от мамы, что “у Володи сегодня свидание” и что “он придет домой не раньше десяти”. Про вчерашний эпизод Вовка родителям не сказал. Возможно, они даже не подозревали, что свидание не состоялось вовсе. Мы поужинали вдвоем и разбрелись к своим дорогим: отец — к письменному столу проверять тетради, мама — к телевизору, а я — к компьютеру.

Вовка явился в девять. Я услышала из коридора его механическое “все нормально”, затем в кухне забрехала посуда. Маме он отвечал односложно, из чего мама сделала вывод, что Вовка погружен в свои чувства, а я — что встреча опять сорвалась.

На сей раз брат не был расположен к обсуждениям даже со мной и провел вечер у телевизора. Спать ушел рано. Я краем уха слышала, как он ворочается на своем “втором этаже”, закутываясь в одеяло.

У нас с братом была двухъярусная кровать, сделанная отцом собственноручно пятнадцать лет назад. Когда я закончила школу и поступила в университет, встал вопрос о глобальной перестановке в квартире: родители предложили нам разделить комнату шкафом. В таком случае мы лишились отдельных “кабинетов”, зато приобретали отдельные “спальни”. Мы с Вовкой по-взрослому обсудили предложение и ответили отказом. По нашему мнению лучше было иметь собственный письменный стол и собственную книжную полку. Брат поставил лишь одно условие: “Я уже большой, а Слава — девушка. Поэтому я буду спать наверху”. И вся перестановка свелась к обмену “этажами”.

Я ложилась в свое обычное время — около полуночи — и была удивлена, когда Вовка, свесившись по плечи с верхней полки, шепотом спросил:

— Слав, ты еще не спишь?

— Нет.

Он спрыгнул вниз и присел возле меня на край кровати. Я включила ночник.

— Не пришла твоя Таня?

— Может быть она меня просто за нос водит? — тяжело выговорил он. — Мы точно договорились: в семь вечера, на мосту. На самой середине моста. Я был одет точно так, как ей описал. Я даже домой не заходил после занятий!

Я задумалась. “За нос водит” представлялось самым простым объяснением. Однако, меня это объяснение не устраивало. Мой брат был достаточно чутким и достаточно умным парнем, и не клонул бы на простую вертихвостку. Я знаю, как и о чем разговаривает молодежь в чатах. Володя никогда бы не позволил себе и одного процента той болтовни. Раз уж он заочно заинтересовался девушкой, опираясь лишь на одну беседу “по компьютеру”, значит девушка того стоила.

— Таня утверждает, что вчера прождала меня целый час под проливным дождем, — продолжал Вовка. — Представляешь, как она обиделась? Я едва упросил меня выслушать! Вроде бы мы и вправду друг друга не заметили... И вот опять.

— Володя, — меня вдруг осенило, — а про какой мост идет речь?

— Как про какой? Про Старый, — он, похоже, струхнул.

— Ты уверен? В черте города три моста через Волгу, и два через Тверцу. И по крайней мере два из них называют Старым.

— Ну да, — он рассеянно качал головой, — правильно... Нет. Слав, я же не болван какой-нибудь! Старый Мост, это Старый Мост!

— Для коренных жителей, — возразила я. — А для приезжих наши местные названия совсем не так очевидны. Откуда Таня родом?

— Об этом мы не говорили. Но живет она с родителями в микрорайоне Южный, на улице Буденного. Я ей тоже адрес назвал, и телефон дал. Она не звонила?

Вовке никто не звонил. Ни сегодня, ни вчера. А ситуация с его Таней мне меньше и меньше нравилась.

— Володь, есть одна идея, — я начала говорить, хотя идея в моей голове вырисовалась не полностью. — Завтра запиши ваш разговор в лог-журнал и покажи мне.

— Зачем?

— Во-первых, я хочу выяснить, действительно ли твоя таинственная знакомая сидит на компьютере в университете. А во-вторых,...

Брат продолжил за меня:

— Хочешь понять по ее репликам, насколько она честная?

— Пожалуй. И не называй это шпионажем. Я исхожу из презумпции невинности.

Он хмыкнул, встал и полез на свой “этаж”. Спустя минуты две сверху раздалось:

— Да-а, сестрица, что б я без тебя делал...

Рабочий день выдался на редкость бурный, и когда Вовка возник передо мной из толпы спящих вокруг посетителей, я чуть было не брякнула — а ты что тут делаешь.

— Слав, я принес, — переведя дух, доложил он и потряс дискетой.

— Что принес?

— Лог-журнал, как ты сказала. Я на секунду. Дома поговорим. Таня обещала позвонить сегодня после лекции.

И он выскочил из зала.

Ближе к вечеру, оставшись в относительном одиночестве, я просмотрела Володину дискету. Беседа брата и его неувимой приятельницы была похожа больше на обмен короткими информативными письмами, чем на общепринятый чат. Стиль девочки мне понравился. Ее записки были обстоятельны, логичны и в то же время достаточно эмоциональны. Ни единой грамматической ошибки, чего я не могла сказать о Вовкиной писанине, ни единой опечатки, ни единого речевого огреха. Несколько странно для второкурсницы с юрфака. С другой стороны, почему бы не предположить, что у Татьяны хорошо развито чувство языка? В остальном ничто не вызвало у меня подозрений. Возмущения по поводу второй подряд несостоявшейся встречи выглядели совершенно искренними. Интерес девушки к Володе тем не менее не погас, пожалуй даже усилился. Результатом беседы стало обоюдное замешательство. Оба верили друг другу, и оба не видели объяснений происходящему.

Объяснений, кстати, не было и у меня. Ошибку с местом встречи я исключила сразу: в разговоре однозначно определялось — Старый волжский мост. Время так же устанавливалось четко. И мой брат, и его знакомая на мост приходили — за брата я могла поручиться головой, а на порядочность девушки указывали ее записки, моя интуиция и здравый смысл. Назревал парадокс.

— Чего домой не идешь? — оторвал меня от глубоких размышлений голос моего напарника.

Я оглянулась и вдруг выпалила:

— Ты ведь в Южном живешь? Где у вас там улица Буденного?

Не знаю, что меня заставило задать этот вопрос.

Напарник вытаращил на меня глаза.

— Первый раз слышу. Зачем тебе?

— Да вот, братишка приятеля нашел. Живет на улице Буденного в Южном.

— Чатились, что ли? — усмехнулся мой товарищ по работе, скользнув взглядом по экрану, где висел текст лог-журнала. — А твой братишка спросил, из какого города его приятель?

Эту фразу я переваривала всю дорогу до дома. Действительно, микрорайон под название Южный мог быть где угодно. Однако вместо “из какого города” у меня вертелась совершенно сумасшедшая мысль, которую я даже боялась озвучить для себя в словах. Перевернув вверх дном все телефонные справочники и убедившись, что никакой улицы Буденного в микрорайоне Южный не было и нет, я набралась наглости и послала запрос на домашний электронный ящик администратора университетского Интернет-класса. Мы знали друг друга по работе, но никогда до сего момента не общались на отвлеченные темы. А я просила ни много ни мало узнать, кто работал вчера на компьютере с таким-то номером.

Второе письмо я послала своей приятельнице-студентке с экономфака с просьбой отыскать среди юристов второго курса девочку по имени Таня — черноглазую, с длинными русыми волосами.

Ответ от подружки я получила в этот же день. Она относительно мягко высказала мне все, что думает о моем “задании”, и ничего конструктивного сообщать не собиралась.

А вот университетский коллега дал мне исчерпывающую информацию на основании электронного журнала регистрации посещений. На компьютере с таким-то номером работали... Ниже приводился список из двадцати имен и фамилий, и ни одной Татьяны с юрфака там не значилось.

По телефону Вовкина Таня так и не позвонила. Однако на следующий день брат примчался домой как на крыльях и кинулся к моему компьютеру.

— Слав, запусти мне что-нибудь графическое, пожалуйста! — вы бы видели, каким счастьем горели его глаза. — Она прислала фото!

Отсканированная фотография идеальным качеством не отличалась, однако позволяла рассмотреть общие черты запечатленной на ней девушки. Я отметила про себя, что представляла Таню именно такой. Стройная, широколицая; глаза большие, темные; длинные распущенные волосы. Она стояла во весь рост на фоне белой, будто ледяной, стены. Изображение было мелким, и в деталях рассмотреть лицо Татьяны, мне не удалось.

Я ничего не сказала брату о моих расследованиях. Решила так: если я выясню, что Таня — чей-то изощренный обман, я представлю Володе неоспоримые доказательства. Если обмана нет, какой смысл вообще сбивать с толку парня?

На мою просьбу принести еще одну запись беседы, Вовка ответил с неохотой. Похоже, классическая фраза “я сам обманываться рад”, относилась теперь и к моему брату. Но файл я получила, и немедленно перепроверила все сетевые адреса. Результат оказался тот же: по данным лог-журнала “Таня” вела беседу из университетского Интернет-класса, а по данным моего коллеги, на указанном компьютере в тот день вообще никто не работал.

Я оказалась в тупике. Ложь была налицо, а физика лжи никак не укладывалась в здравый смысл.

Мой напарник, наблюдавший мои труды уже два дня, решил все-таки вмешаться.

— Отлавливаешь братанова собеседника?... — он заглянул на экран. — О, да это девушка!

— Ладно, помолчи. Я тебе ничего не говорила, — отрезала я, чтобы тема “девушки” не получила развития. — Видишь, что творится...

И я поведала ему о своей проблеме. Он выслушал, почесал макушку и изрек:

— А трейсертом хосты проверяла?

Я призналась, что не проверяла и немедленно исправила промах.

Полученная картина задачу не решила. Напротив, выставила целый частокол вопросов. Если верить отчету трейсера, сигнал срывался на полпути и не возобновлялся нигде. Тем не менее, ответ приходил из этого самого “нигде”. И не только ответ, но и электронное письмо.

Мы с компьютером мучили друг друга на протяжении трех часов вне рабочего времени. Наконец, я решила ретироваться и продолжить войну с адресами хостов завтра. Однако прежде, чем отправиться домой, я еще раз вызвала на экран фотографию Татьяны. Я не имела никакой определенной цели, просто задумавшись рассматривала красивое юное лицо. Вот передо мной портрет человека, запечатленный на обычной фотопленке, перенесенный на фотобумагу, а затем пропущенный через хитроумный аппарат и преобразованный в набор нулей и единиц. Но по какому-то странному стечению обстоятельств эта схема нулей и единиц, оттранслированная машиной, живет человеческой жизнью. Я смотрю на экран, и вижу красивую девушку с большими, чуть-чуть грустными глазами. Мне начинает казаться, будто я слышу ее дыхание и мысли. Она думает о своем будущем. О том, какой узор нарисует на ледяной глыбе, поднимающейся за спиной, и с кем она нарисует этот узор.

Ледяная глыба — открытый лист судьбы, узор — жизненный путь. Я немилостиво одернула свое воображение. Занесло же в фантастические пущи! Однако, когда я обратила отрезвленный взор на фото, мое воображение потребовало извинений. За спиной Татьяны действительно виднелась стена из льда, исчерченная от земли до высоты ее плеча замысловатыми линиями и абсолютно гладкая выше. Я начала лихорадочно вспоминать, какому народу могут принадлежать столь оригинальные традиции, и тут обнаружила еще одну странность. Девушка была одета в легкое голубое платье с коротким рукавом, что никак не сочеталось с окружавшим ее холодным пейзажем. Что это? Бутафория? Или?..

И я изменила тактику.

Отодвинулась от стола, расслабилась и начала слушать себя. Что мне подсказывала интуиция?

Другой мост? ... Другой город? ...

Как это говорилось у детективов? Отбрось все очевидное, и оставшееся, каким бы оно ни было, и есть правда. Я собралась с духом и выбрала самое невероятное из всего невозможного.

Вычислить электронный адрес компьютера, находящегося вне нашего существования? Нет. Эту задачу я перед собой не ставила. Я должна была каким-то образом создать такие условия, чтобы сигнал прошел *туда* и вернулся с ответом. И пусть Таня спокойно живет на улице Буденного в своем городе, так похожем и непохожем на наш. Придет время, Вовка отыщет к ней путь. А я направила всю свою волю на поиск иного Моста.

Это было необъяснимое, чудное чувство. Я ощущала, как моя мысль движется вслед за незримым импульсом по банальным медным проводам, меняет направления, замедляет и ускоряет бег и вдруг отрывается в пустоту. Миг, один лишь миг — как целая жизнь. И вновь текут медные и алюминиевые провода. Развилки, спайки; потоки, широкие как бурная река, и потоки, крошечные, как ленивый

осенний ручей. Ротор. Вихрь. Бешено вращается диск. Огромный электронный мир сведен к двум объектам: ноль и единица. А на экран ложатся буквы, складываются в слова. Единица и Ноль. Да и Нет. Правда и Ложь. И абстракция обретает форму...

Я вздрогнула. На моем экране светилось:

— Привет! Ты откуда?"

Я судорожно развернула к себе монитор второго компьютера, где ползла диагностика, поступающая из университета. Машина, к которой я формально обращалась, была отключена. Я выпрямилась, стараясь сбить налетевшее волнение. Пальцы легли на клавиатуру:

“Я стою на другом конце моста. Я — Ярославна. А ты?”

Пауза. Как сама Вечность.

“Прекрасное имя... А я — Тарас”.

Я перевела взгляд на экран. “Желаю тебе счастья, Слава, в твоей запредельной Австралии”. Да, Тарас, пожалуй, прав: брат догадался, что мое путешествие на другой край земли на самом деле было путешествием куда в более далекие просторы. Австралия — это для моих родителей, друзей, коллег. А на самом деле я нашла тот мост, который пока не удалось отыскать Володе и его подруге Татьяне. Впрочем, они молоды, у них еще все впереди.

— Электроника электроникой, но на дорогу-то между мирами ты встала собственной персоной! — глаза Тараса пылали любопытством. — Нет, не надо теорий.

А я как раз собиралась начать математическое изложение гипотезы, которая стала действительностью до того, как получила статус гипотезы.

— Я наизусть уже знаю и о Путиях между Мирами, и о бесконечном движении несчетного множества Миров в одной общей структуре, и о неизбежных различиях эволюционных процессов отдельно взятого Мира в сравнении с другими. Тебе пора писать фантастику, ведь в реальность твоих идей все равно никто не поверит!

— Если бы ты не поверил в реальность моих идей, мы не встретились бы никогда. Чтобы найти свой мост, нужно быть как минимум романтиком.

— Вот как? Ты же всегда говоришь, что ты приземленный математик.

— А разве интуиция не есть высшее проявление логики?

Тарас поднял обе руки.

— Сдаюсь. Но временно. У меня остался один вопрос. По поводу твоего брата. Почему ты не рассказала ему о Мостах? Ты же могла, в принципе, показать ему дорогу в Мир Татьяны.

Я выпрямилась.

— Могла. И не показала. Потому что свой Мост человек должен найти сам. И Владимир когда-нибудь найдет. А кроме того... — я перебралась к мужу на колени и ласково погладила его жесткий темно-коричневый гребень над переносицей, — на другом конце Моста встречаются разные сюрпризы. Признайся, когда я прислала тебе свою фотографию, ты целую неделю считал, что я тебя разыгрываю, правда?

Он засмеялся.

— А ты что подумала, когда рассмотрела мое фото?

— Я подумала, что это твоя проба на роль Хищника. Жаль, здесь этот фильм не создали. Тебе бы понравилось.

— Сниматься в кино мне бы понравилось? Ну, нет! Лучше я останусь компьютерщиком. С тобой.

Часы в гостиной начали отбивать полночь. Он подхватил меня на руки и нежно прижал к себе. Два сердца в огромной груди застучали чаще.

— Начинается наш новый год, моя королева, — прошептал муж мне на ухо.

Я горячо обняла самого дорогого моего человека.

Он понес меня в спальню, шурша по каменному полу чешуей мощного хвоста, а шлейф моей накидки, касаясь стен, вторил ему звенящими переливами. Может быть кому-то мой выбор покажется нелепым. Может быть некоторые друзья Тараса так и не простят ему то, что он променял свободную холостяцкую жизнь на союз с женщиной, у которой нет даже золотистого гребня. Может быть. Но мы благодарны судьбе за нашу встречу на Мосту.

Март 1998

Опубликация:

Встреча на мосту// "Предел бесконечности". - Тверь, ЧуДо, 2001. - С.261-272